

ИРИНА ЛЕМ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА НОЧНОМ ЭКСПРЕССЕ

Ирина Лем

Путешествие на Ночном экспрессе

«Автор»

2026

Лем И.

Путешествие на Ночном экспрессе / И. Лем — «Автор», 2026

Второй рассказ про Веронику. Тяжко пришлось ей в "лихие" 90-е прошлого столетия. Вместе с общественной катастрофой - распадом Союза свалились на ее голову и личные несчастья. Да такие, что боялась не выдержать чисто психологически, подумавала о самоубийстве. Одна мысль удерживала - что станет с сыном? Эта мысль держала ее на плаву и однажды подбросила совершенно сумасшедшую идею...

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Лем

Путешествие на Ночном экспрессе

Самое смешное, что электричка на Милан отправилась на двадцать минут раньше, чем стояло в расписании. Странно, обычно поезда опаздывают. Наверное, у диспетчера было веселое настроение, и он решил сделать сюрприз пассажирам, чтобы не заставлять долго ждать. Есть такие люди, которым хорошо от сознания, что они сделали добро кому-то, пусть и незнакомому.

Вероника оглядела вагон. На мягких диванах с синей, ребристой обивкой устраивались пассажиры, готовясь к трехчасовому путешествию: доставали заранее купленные газеты, журналы, еду, бутылочки с разноцветной водой. Им преждевременный отход на руку – раньше выедут, раньше приедут. Некоторые и не заметили, увлеклись разговором или чтением. А как же те, кто опоздал не по своей вине? Вероника представила, с каким недоумением оставшиеся на перроне люди смотрели вслед тронувшемуся составу. Посочувствовала. И не удержалась от улыбки.

- Мы отправились раньше времени, - сказала по-английски Симону.

Тот приподнял левую руку, посмотрел на часы, потом в окно, потом опять на часы. Пожал плечами. Поспешность итальянского машиниста ему тоже показалась чем-то из ряда вон. Будучи гражданином Голландии, Симон привык, что общественный транспорт, включая железнодорожный, ходит строго по расписанию.

В случаях, которые происходят тогда, когда не должны происходить, человек сперва думает, что сам ошибся.

- Странно, - пробормотал Симон и добавил что-то еще, чего Вероника не разобрала. Переспрашивать не стала. Оба несильны в английском, а от постоянного переспрашивания голова заболит, и, чего доброго, можно преждевременно надоесть друг другу. По молчаливому соглашению они общались только по делу и не увлекались длинными фразами.

- По-моему, в расписании стояло время отправления – шесть часов, - добавил Симон разборчиво и постучал по циферблату в том месте, где находилась цифра двенадцать. Вопросительно посмотрел на Веронику - за подтверждением.

Он не ошибся. Вероника вспомнила вокзальное, электронное табло в полстены, которое они нашли не сразу, потому что висело не над главным входом, а где-то в закоулке. Ясным латинским алфавитом стояло: поезд - «Венеция-Милан», отправление – «восемнадцать ноль-ноль». Значит, это не они кратковременно сошли с ума, а машинист потерял ориентацию во времени. Впрочем, его скоро вернули в реальность, в манере, которая показалась еще более смешной.

Минут через пять после отправки электричка остановилась посреди пути - постояла, подумала и двинулась обратно. Такого разворота вообще никто не ожидал. Пассажиры в вагоне зашевелились и, позабыв про газеты и бутерброды, выставились в окна. Заговорили все разом. Повернувшись к соседям по дивану показывали пальцем за окно, стучали по лбу, и ясно, что имели ввиду машиниста.

Да, интересная у него манера мышления. Вместо того, чтобы поставить электричку на ближайшей по ходу станции дожидаться своего часа, он вернул ее в пункт отправления. Видно, у итальянцев свои представления о логике... Хорошо, что за ними не шел другой поезд, а то как бы они тогда разошлись?

Ничего. Даже здорово – маленькое происшествие. Запомнится.

Во второй раз отбыли точно в шесть. Вагон мягко тронулся и будто поплыл мимо водных улиц Венеции, по мосту, въехал на материковую часть города и, оставив позади скученно застроенные предместья, стал набирать скорость.

Любопытно прильнув к стеклу, Вероника обозревала итальянский загородный ландшафт. Он напомнил ей крымские пейзажи, которые она точно так же обозревала из окна, только не поезда, а троллейбуса. Давно это было, более двадцати лет назад, в другой жизни. По окончании десятого класса они с Ольгой Овсядковской ездили в Ялту, куда из Симферополя протянули самую длинную в Союзе троллейбусную линию. Два часа ехали-тряслись, а когда вышли, коленки дрожали, и ноги отказывались ходить.

Природа в субтропическом поясе одинаково богата, а что касается человеческих жилищ, то в Италии они побогаче. Нет деревянных домов и подсобных сараев, тем более сортиров на улице. Усадьбы не обнесены частоколами, ограждающими от недоброжелательного взгляда. Здесь не боятся выставить благополучие напоказ, но без пижонского посыла – мол, смотри и завидуй, у меня есть то, чего нет у тебя. Здесь все скромно, спокойно и со вкусом. Дома каменные, одноэтажные, белые - с красной, черепичной крышей, видно, что живут в них люди, довольные судьбой. И как не быть довольным, когда климат солнечный, кругом пышно цветущие сады и горы на горизонте. Поработал - отдыхай на террасе с потолком из виноградных лоз, пей вино, которое сделал сам, беседуй с друзьями, знающими тебя с детства.

Надоело сидеть-выпивать, выйди за ворота, пройдишь неторопливо по наезженной, грунтовой дороге (никакого асфальта, он чужак в природе, испортил бы гармонию). Дорога извилистая, как змея - прямых не бывает в гористой местности. Она огибает холмы, снизу их поддерживает от сползания древняя, булыжная стена.

Идешь и не знаешь, что откроется за следующим поворотом. Полукруглая ниша с лепкой в виде мифической головы, из распахнутого рта которой вытекает живительная родниковая вода. Или героический барельеф, изображающий римских всадников, одетых в железные доспехи и шлемы с гребешками, держащих наготове копья и короткие мечи. Или античная, увитая плющом беседка - с потрескавшимися ступеньками и обрушенной балюстрадой, такие часто встречаются на картинах художников-романтиков начала девятнадцатого века. Не зря они стремились в Италию за вдохновением, здесь оно на каждом шагу.

Все эти стены, барельефы, беседки, мозаичные площадки, парапеты и мосты созданы неизвестными мастерами, от которых не осталось имен, но остались вдохновенно сделанные вещи. Им несколько веков. Или даже тысячелетий. Вполне возможно, они были свидетелями расцвета и заката великой Римской цивилизации. Ах, захватывающая идея!

Ласкающий душу, сентиментально-пасторальный пейзаж настроил Веронику на романтическую волну. Представила себя юной девушкой в средневековом наряде: платье на ней из тяжелого бархата лавандового цвета, в глубоком вырезе эротично колышутся округлые груди, волосы уложены в локоны, и приколот розовый бутон. Из-под приподнятого подола торчат белоснежные нижние юбки и миниатюрные, атласные туфельки на квадратных каблуках.

Сидит она возле узкого, островерхого окошка, закрытого решеткой, нетерпеливо смотрит вниз, в сад, дожидаясь – когда вечер накроет его тенью до следующего утра. Наконец, стемнело так, что стало видно звезды. Накинув плащ и капюшон, Вероника побежала вниз, к зеленой галерее – на свидание с рыцарем ее мечты. Чтобы не стучать каблуками по булыжникам тропинки, бежит на пальчиках.

Душная южная ночь обволакивает ее теплым дурманом застоявшегося дневного воздуха, полного ароматов магнолий и чайных роз. В ночной тишине острее слышатся звуки - песня цикады, шелест случайно упавшего листа, шорох куста, за которым, возможно, скрывается опасность. Страшно и волнующе! Вероника вздрагивает, останавливается. Прислушивается секунду и снова устремляется вперед. Еще шаг – и она попадет в страстные объятия любимого...

Вероника по-детски прижалась носом к стеклу и сама не заметила. Она впервые в Италии, коротко, фактически – проездом, и не желала упустить ни одной детали. Впитывала их в себя, запечатлевала, как на фото пленке. Каждая картинка живописна, даже самая обычная: сверкающее бликами озерцо, неожиданно возникшее посреди зеленого с красными вкраплениями луга, по-русски широкое поле с подсолнухами, похожими на детей солнца.

Она забыла об окружающих и не желала, чтобы с ней разговаривали или мешали по-другому. Даже Симон.

Он и не собиравшись, с немалым увлечением уставился в окно. Он раньше бывал в Италии, по работе, все в крупных городах – Милане, Риме, а на южном побережье в первый раз. Он сам жил на побережье, но как же они отличались! Северное море – холодное, серое, будто впитавшее осенний туман, песок на берегу тоже серый и холодный, а далее поднимаются дюны, покрытые травой, которая никогда не зеленеет и не цветет. Грустно по ним гулять в одиночку.

О чем думал? Вероятно, тоже о чем-нибудь романтическом... Воображал себя владельцем вон той усадьбы, утопающей в волнах розового рододендрона. Или средневековым рыцарем, ожидающим возлюбленную в ночном саду – вот уже слышны ее осторожные шаги и шелест платья... Почему нет? Подходит к Вероникиному контексту.

Она всматривалась в пейзажи, похожие на южно-российские, и ощущала нечто, похожее на дежа вю. Ожило в душе одно давнее воспоминание, даже не воспоминание, а нечто прозрачное, трепетное. Дуновение прошлого. Ветерок эмоций. Беззаботное настроение – радостное без причины, такое бывает только в детстве.

Удивительно. Вероника думала, что похоронила его на дне памяти, а оно взяло и всплыло. Ее самая первая поездка к морю. Ездили вчетвером: она с матерью и ее подруга с дочерью. Дочь звали Таня Фомичева, на год моложе Вероники, они одно время дружили. У Тани было два замечательных качества: не по возрасту длинная коса и болезненная любовь к животным – не пройдет мимо бездомной кошки или собаки, наклонится, приголубит, скажет ласковое слово. Она мечтала иметь собаку по кличке Друг и коня по имени Пепел. Изображала, как он скачет – высоко подпрыгивала, перебирала в воздухе ногами и приговаривала «тык-дык, тык-дык, тык-дык», будто стучала копытами по дороге. Коса тоже подпрыгивала и била ее кончиком по попе.

Веронике семь лет, нежный возраст – что запомнила из путешествия?

Лучше всего запоминается то, что впервые предстает перед глазами, что удивляет, заставляет работать фантазию – новые вкусы, запахи, впечатления, это остается на всю жизнь.

Впервые увидела поезд, такой длинный, что пока шли вдоль вагонов, Вероника устала, а мать спрашивала у проводников «нумерация с головы или хвоста?». Вошли в вагон – длинный и многолюдный, как дом на колесах, где у каждого своя квартира-купе. Состав тронулся, покачиваясь и перестукивая – этот стук сначала резал ухо, потом, вроде, стих, потом убаюкивал.

В поезде здорово. Сидеть на диванчике и смотреть в окно, где картинки движутся, как в кино. Лежать, уставившись в низко висящую верхнюю полку, и бояться – как бы она на тебя не упала. Руками есть вареную курицу, обсасывать каждую косточку, запивать чаем в начищенных, металлических подстаканниках с выдавленным узором. К чаю подали упаковки сахара в виде приплюснутых квадратиков – лучший деликатес! Вероника грызла и пила вприкуску.

На станции с красиво звучащим названием Иловайская по вагону прошли продавцы с местными продуктами. Мать купила вареную кукурузу – Вероника ничего вкуснее не ела. Потом на каждой крупной станции, где поезд стоял минут по двадцать, они с Таней выходили на перрон размять ноги, подышать южным воздухом. Он охватывал тело жарой, как ватным одеялом, был тяжел и насыщен крепкими запахами – тропических фруктов, приправленной чесноком еды, человеческого пота, поездной смазки и еще многого, чего Вероника не разобрала. По перрону сновали цыганки с шустрыми детьми, и мать боялась, что Веронику украдут, крепко держала за руку.

На следующий день вид из окна закрыли горы, громадные – до самого неба, темные, поросшие непроходимыми лесами. Они стояли так близко к полотну, что Вероника опасалась – как бы они не преградили путь поезду.

Перед самой Одессой горы расступились, открылся пляж, и создалось впечатление, что состав двигался по песку, на котором совсем рядом лежали и стояли раздетые люди. Вдали, где кончался желтый песок, начиналось что-то огромное, голубое, от края до края заполнившее картинку.

Она не сразу догадалась, что это море. Никогда его не видела и очень удивилась размерам. Раньше представляла, что море – это большой пруд, чуть пошире того, что располагался за их дачей. Летом она плескалась там на мелководье с детьми других дачников. Взрослые купались отдельно, где поглубже, и вода не взбаламучена.

Находились смельчаки, которые добирались до другого берега и победно махали оттуда – мол, получилось! Вероника обожала плавать и мечтала тоже когда-нибудь переплыть пруд. Думала, что море тоже можно переплыть, если очень постараться, но не предполагала, что оно такое огромное.

Море – это другая половина суши. Оно никогда не стоит спокойно как пруд, оно набегают на берег, будто хочет захватить его кусочек, но отступает, чтобы тотчас попытаться еще раз. И еще. И до бесконечности. Кто заставляет его двигаться? Здесь маленькая Вероника пофантазировала и решила – подводный монстр: сидит на дне и вздыхает, тогда образуются волны, а когда он разбушуется – получается шторм.

И хорошо! Вероника обожала волны. Качаться на них, надев резиновый круг, или без круга – подождать, когда водный валик приблизится к берегу, прыгнуть, чтобы обязательно попасть в журчащую пену и ощутить как возвращающаяся вода тянет за собой. Вероника наступала на нее, пытаясь задержать, но волна огибала ногу и утекала обратно в море. Плавать где поглубже не решалась, боялась - подводный монстр на дно утащит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.